

ЛЮБОВЬ ПЕРУНИЦА

возьми
МОЁ СЕРДЦЕ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Любовь Перуница
Возьми мое сердце

«Литнет»

2025

Перуница Л.

Возьми мое сердце / Л. Перуница — «Литнет», 2025

Он — гений без права на практику. Она — девушка, которой нельзя любить. Дмитрий Соколов — бывший невролог/нейрохирург, изгнанный из Москвы за радикальные методы. Теперь он всего лишь медбрат в провинциальной больнице, живущий с клеймом «экспериментатора». Его единственный шанс на реабилитацию — тайно вести сложные случаи под крылом своего наставника. Его правило — никаких отношений с пациентками. Правило, которое он готов нарушить ради Юли. Хрупкой девушки с глазами фарфоровой куклы и черным бантом в волосах, скрывающей страшную тайну и шрам на сердце. Их встреча — вспышка молнии в больничном коридоре. Их чувство — приговор, который они выносят себе сами. Он борется за ее жизнь, рискуя последним, что у него осталось. Она борется со своим прошлым, где любовь уже однажды убила. Но в больнице, где каждый шаг на виду, их тайна обречена. А там, где есть тайна, всегда найдется тот, кто захочет ее раскрыть...

© Перуница Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1 - Не по протоколу	5
Глава 2 - Пари	8
Глава 3 - Спасательный круг	10
Глава 4 - Толчок к свиданию	13
Глава 5 - По пути	17
Глава 6 - Нравишься. В этом и проблема	19
Глава 7 - Не давать продолжение	22
Глава 8 - Умерла	24
Глава 9 - Своя крепость	27
Глава 10 - Консилиум	29
Глава 11 - Сплошной звон	32
Глава 12 - Пути назад нет	34
Глава 13 - По кексику	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1 - Не по протоколу

Приемный покой — это отдельный мир в больнице со своими законами и нормами. А смена в приемном покое — это мир приглушенных огней, назойливого писка аппаратуры и тихих стонов за тонкими перегородками.

Сегодня мне посчастливилось здесь дежурить и я стоял у койки вновь поступившего к нам на скорой пациента и слушал. Не пациента, а тишину между вдохами. Свист кардиомонитора сливался с гулом люминесцентных ламп, создавая звуковой коктейль, от которого через восемь часов начинает болеть голова.

— Смотрите, — сказал я, голос мой звучал хрипло от усталости. Я провел пальцем по экрану, где прыгала кривая. Агния, медсестричка с глазами испуганной косули, смотрела то на график, то на меня. — Видите этот скачок? Не до, не после, а ровно в момент, когда он пытается сжать кулак. Это не эпилепсия. Это зажатый нерв и классическая паническая атака в нагрузку.

— Но МРТ чистое! — выдохнула она, и в ее голосе слышалось неподдельное недоумение.

«Как же вы все заучено мыслите», — пронеслось у меня в голове.

— Потому что искали не там, — резко повернулся я к пациенту. Мужчина, сорок пять лет, программист. Позвоночник застыл в одной позе, мышцы шеи — камень. — Иван, когда вас в последний раз на массаж от рабочего стола вытаскивали?

Он лишь бессильно мотнул головой. Что ж. Длинными пальцами, которые еще помнили, как держать хирургический скальпель, а теперь предназначены лишь для того, чтобы ставить капельницы, я нашел точку у самого основания его черепа. Надавил. Раздался знакомый до тошноты хруст, и тело пациента резко обмякло, будто из него вытащили стержень. Судороги прекратились.

— Вот и все лечение. Отпуск, хороший мануальщик и отмена карбамазепина, который вам зря печень сажает, — отчеканил я, вытирая руки антисептической салфеткой. Запах спирта ударил в нос.

В дверях, как страж ада, уже стояла старшая медсестра Марина Игнатьевна. Лицо ее было вытянутым и недовольным от природы, а сейчас и вовсе напоминало старый чернослив.

— Соколов! Вы что это опять себе позволяете? Ставите диагнозы? Назначаете лечение? То, что дежурного врача срочно выдернули в операционную для консультации, не дает вам никакого права тут командовать!

Меня передернуло. Не от ее тона, а от этого вечного «Соколов». Как будто я никто. Как будто я не три года своей жизни потратил на то, чтобы спасти тех, кого они списывали со счетов.

— Констатирую факты, Марина Игнатьевна. Смотрите — не дергается, — я выдавил беззаботную улыбку. Пусть думает, что мне плевать. Так и есть. Почти.

— Ваше дело — уколы ставить и приборы проверять! — прошипела она, и брызги слюны блеснули в свете ламп. — И приберите эту вашу... гребенку! — она мотнула головой в сторону моего хвоста. — Вам здесь не тусовка в баре.

Я не стал спорить. Не ради себя, но ради Крылова. Он и так на свой страх и риск вцепился в меня, как будто я чего-то стою. Я просто кивнул и прошел мимо нее, оставив за спиной возмущенное фырканье и восторженный взгляд Агнии. Обожание этой девочки было таким же назойливым, как писк мониторов.

До конца смены еще четыре часа. Выйдя через служебный вход на внутренний двор, я прошел к месту для курения. Давно бы пора бросить эту дурацкую привычку, но врачи, особенно я, склонны к саморазрушению. Психика требует хоть какого-то клапана, чтобы стравливать давление, которое накапливается после каждого спасенного — или не спасенного — тела.

Зажигалка дрогнула в пальцах, пламя осветило на мгновение огрубевшие костяшки. Я затянулся, и, запрокинув голову, смотрел на грязновато-голубое небо большого города. Где-то там, за этой световой завесой, были звезды. Когда-то я и сам чувствовал себя немного звездой, восходящей на московском медицинском небосклоне. Теперь же я был просто тенью в провинциальной больнице, человеком с выжженной биографией.

Вибросигнал телефона в кармане штанов медицинской формы оповестил, что у нас новое «поступление», и моя сигарета так и останется недокуренной. Я с отвращением раздавил окурок о бетонный парапет и, выдохнув струйку дыма вместе с паром, направился обратно, к своим ночным владениям.

Чем ближе я подходил к приемному покою, тем слышнее становилась сирена скорой помощи, ее воющий звук врзался в ночную тишину, словно нож. Я ускорил шаг, а затем и вовсе перешел на бег, подскакивая к подъехавшей машине как раз в тот момент, когда задние двери распахнулись.

— Парни, привет, — кивнул я санитарам, привычным движением помогая им зафиксировать каталку. — Кто тут у нас?

— Да вот, женщина вышла погулять с песиком и в подворотне нашла тело, — бойко начал отчет один из них, пока мы вместе выгружали бесчувственного мужчину. — Быстро вызвонила ментов и скорую. В сознание не приходил.

Я наклонился над пациентом, включая внутренний сканер. Крупный мужчина, на вид лет пятьдесят, одетый в дорогой, но теперь помятый и грязный костюм. Сквозь запах дорогого парфюма пробивался едкий, сладковато-горький дух перегара, смешанный с запахом мочи. Голова была разбита — глубокая рваная рана на волосистой части, кровь сочилась медленно, местами уже подсыхая, запекшаяся. Лицо бледное, с землистым оттенком. Без сознания.

— Ладно, поехали, живо! — скомандовал я, и мы покатали каталку по длинному коридору в сторону перевязочной.

Мои пальцы сами собой нашли пульс на его запястье — нитевидный, частый. Дыхание поверхностное. Пока катили, я уже составил первичный план: очистить и обработать рану, оценить степень черепно-мозговой травмы, поставить капельницу, чтобы поднять давление и вывести его из шока. Стандартный алгоритм. Но что-то щекотало внутреннее чутье, ту самую медицинскую интуицию. Что-то было не так.

В перевязочной, под ярким светом ламп, пока Агния суетливо готовила инструменты, я начал первичный осмотр. Реакция зрачков на свет была вялой. Пока я обрабатывал рану, проверяя, нет ли вмятин или осколков кости, мой взгляд упал на его руки. Ухоженные руки, мягкие, без следов тяжелого труда. Но на сгибе между большим и указательным пальцем левой руки я заметил едва различимый, но знакомый узор — крошечные, почти зажившие точки. Следы от инъекций. Не те, что оставляют капельницы в больнице, а те, что остаются от систематического введения наркотиков.

Вот оно. Запах перегара — это фон, ширма. А основная проблема была в чем-то другом. Возможно, передозировка, усугубленная алкоголем и травмой. Это меняло картину полностью.

— Агния, — резко сказал я. — Звони Герману. Если не возьмет трубку, то готовь не физраствор, а налоксон в шприц. И бери анализ крови на токсикологию. Срочно.

— Налоксон? Но он же вроде пьяный... — замешкалась она.

— Агния! — мой голос прозвучал как удар хлыста, заставив ее вздрогнуть. — Сейчас же! Под мою ответственность.

Она закивала и бросилась выполнять приказ. В ее глазах читался испуг, но и странное удовольствие от того, что ей доверяют что-то важное. Я тем временем продолжал работать, мои руки двигались быстро и точно, будто никогда и не забывали, как это — не просто ставить капельницы, а спасать жизни, принимать решения за доли секунды. В голове пронеслось: «Вот

так всегда. Найдут какого-нибудь бомжа в подворотне, а он оказывается respectable наркоманом. Сюжет для дешевого сериала».

Когда Агния вернулась со шприцем, я быстрым движением ввел препарат в вену. Эффект не заставил себя ждать. Через пару минут тело пациента напряглось, он издал хриплый, прерывистый звук, и его веки дрогнули. Он не пришел в сознание полностью, но это был хороший знак. Мозг откликнулся.

— Отправляем в палату интенсивной терапии, под наблюдение, — сказал я, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Адреналин начинал отступать, оставляя после себя привычную, сладковатую усталость. — И сообщи в полицию, что пациент, возможно, придет в себя через несколько часов. Пусть дежурят. Герман ответил?

— Да, я ему описала ситуацию. Сказал, что согласен и, на этот раз, самостоятельно проверив пациента, сам заполнит бумаги.

Агния снова закивала, смотря на меня с тем же обожанием. «Справился», — говорил ее взгляд. А у меня в голове стучало: «Рисковал. Снова рисковал. Если что-то пойдет не так, Крылову не оправдаться». Но иного выхода не было. Стандартные процедуры убили бы этого человека вернее, чем любая подворотня.

Разобравшись с поступлением, я налил себе стакан холодной воды в ординаторской и залпом выпил его, чувствуя, как жидкость ледяным комком стекает в пустой желудок. До конца смены оставалось еще три часа. Три часа до того, как я смогу скинуть этот синий костюм, завести свой «Харлей» и попытаться оставить все это — боль, запахи, взгляды — за стенами этой больницы. Но я уже знал, что не оставлю. Я никогда не оставлял.

Глава 2 - Пари

Смена, черт побери, наконец-то кончилась. Я скинул ненавистный синий костюм — этот символ моего падения. Надел простую черную футболку и джинсы, и с удовольствием почувствовал, как ткань обтягивает мышцы, напоминая, что я не только тот, кем стал, но и тот, кем был. В гардеробе я достал из шкафчика свою старую, проверенную косуху. Резким движением головы высвободил волосы из резинки и снова собрал их в низкий, небрежный хвост.

Мой «Харлей» заурчал у стоянки, отвечая на грозное предчувствие, которое висело в воздухе. Он был единственным, кто никогда не предавал. Я всего лишь провел ладонью по бензобаку, чувствуя под пальцами холодный металл. Садиться за руль после даже одной кружки пива я не собирался — принцип. Да и ночь звала пройти пешком.

Через десять минут я уже стоял у «Ангара». Бар Олега. Мое единственное убежище. Из-за двери доносились перекошенные гитарные рифмы — чья-то неумелая группа репетировала.

Внутри пахло старым деревом, пивом и свободой. Олег, весь в татуировках, молча кивнул и подал мне темное, не спрашивая. А вот от второго посетителя, с которым мы договорились сегодня здесь встретиться, покоя не было.

— А-а-а, наш паладин в белом халате! — просипел мягкий знакомый голос. Из полумрака возникла Арина. Моя старая подруга. Сводница без тормозов и мой личный дьявол-искуситель. — Опять кого-нибудь спас от неминуемой гибели от скуки?

— Отвлекал от тебя, Арин, как никак общественно-полезная работа, — парировал я, делая большой глоток холодного пива. Оно было горьким, вкусным. Тепло и расслабленность постепенно наполняли меня.

Мы обсудили последние новости и наши дела. Тема, как водится, скатилась к отношениям. Вернее, к их полному и тотальному отсутствию у меня.

— Тебе бы только на мошке своим гонять, — вздохнула она с театральным надрывом. — А душа-то требует романтики! Тепла!

— Моя душа требует, чтобы ее оставили в покое, — буркнул я, отпивая еще.

— Да потому что ты не веришь! — Арина хлопнула ладонью по столешнице. — Не веришь, что можно подобрать ключик! Что двух людей можно свести так, что ба-бах! — она снова хлопнула, заставляя меня вздрогнуть, — и это навсегда! Идеальное совпадение!

Я фыркнул. Слишком горький опыт стоял за этим фырканием. Хоть и прошел почти год с моего приезда, рана ощущалась глубоко и болезненно. Предательство, которое иногда болит куда сильнее, чем отлучение от практики.

— Выдумки твои, Арина. Любовь — это не каталог, где можно подобрать модель по параметрам. Это хаос. Боль. И в конечном счете — предательство.

Но сдаваться было не в ее правилах. Упрямство — ее вторая профессия.

— Спорим, что я тебя сведу с той, что будет твоей половинкой? Сведу так, что ты сам на коленях признаешь мой гений!
 — Обречена, — усмехнулся я, допивая пиво. Пусто. Как и мое желание во все это ввязываться.
 — Пятница. После твоей смены. Кафе «Оазис». Будешь? Или струсил?

Я посмотрел на нее. На ее горящие азартом глаза. На эту смесь наивности и веры в чудо. И почему-то в глубине души, под всеми слоями защитного сарказма, шевельнулось что-то похожее на надежду. Слабая, глупая искра.

— Буду, — сказал я, отодвигая пустой бокал. — Посмотрю на крах твоей карьеры провидицы.

Я не верил ни единому ее слову. Но в тот вечер, когда я шел к своему дому, что находился недалеко от бара, и ветер бил мне в лицо, срывая остатки напряжения смены, мне отчаянно захотелось ошибиться.

Глава 3 - Спасательный круг

Проходя по отделению неврологии нашего «больничного городка» к кабинету заведующего, я ловил себя на теплых воспоминаниях. В этих стенах было всё: первые взлеты, первые падения и даже первая любовь. Никогда бы не подумал, что родное место теперь кажется мне чистилищем.

Подходя к кабинету Романа Сергеевича, я издалека услышал визгливый женский голос. Стучать и входить не стал — достаточно было постоять у двери и послушать, чтобы понять: это Марина Игнатьевна высказывает всё, что думает обо мне.

— Роман Сергеевич, ну это же беспредел! С каких пор медбратья принимают такие решения, нарушают протоколы, ведут себя так, словно им всё можно? А внешний вид? Это что за хвост? А татуировки? Да его нельзя подпускать к пациентам! Он неадекватный! Не удивлюсь, если он ещё и...

— Довольно! Я вас достаточно выслушал. У вас всё?

— Ну, Роман Сергеевич, вы меры-то примите какие-нибудь!

— Всенепременно.

Отличный момент, чтобы зайти и всем своим видом показать, что я прекрасно слышал её ябедничество.

— Добрый день, Марина Игнатьевна!

— Не надо так скалиться, Соколов! Я рано или поздно поставлю тебя на место!

— И вам хорошего дня, Марина Игнатьевна.

Ничего не ответив, лишь высокомерно хмыкнув, она продефилировала мимо. При своём невысоком росте она умудрялась смотреть на меня свысока, хотя я был выше её на голову.

Крылов стоял лицом к окну, когда я опустился в стул напротив его стола.

Кабинет Романа Сергеевича Крылова был единственным местом в этой больнице, где пахло не антисептиком, а старыми книгами, хорошим кофе и спокойствием.

Он прошёл за свой массивный стол, заваленный бумагами и свежими медицинскими журналами. В его руках был тот самый, знакомый мне с университетских времён, серебряный стакан для карандашей. Он всегда вертел его в пальцах, когда думал о чём-то сложном.

Моё внимание привлекла толстая папка с грифом «Экспертный совет» на краю стола. Моё старое, московское дело. Оно лежало тут как немой упрёк.

Роман Сергеевич отложил бумаги и посмотрел на меня. Его взгляд был тяжёлым, взвешивающим.

— Марина Игнатьевна, как ты успел заметить, жалуется на тебя, — начал он без предисловий. — Говорит, ты опять ставишь диагнозы, опровергаешь заключения врачей, назначаешь лекарства.

— Я просто снял судороги у программиста. Без лекарств. Это был зажатый нерв, Роман Сергеевич. Очевидно же, — я почувствовал, как во мне закипает знакомая горечь.

— Мне очевидно. Ей — нет. Ей очевидно, что ты медбрат, а медбрат не имеет права думать. — Он вздохнул и отпил глоток кофе. — Кстати, пока я вспомнил... Про того пациента с черепно-мозговой, с подозрением на передоз. Это ты ему налоксон вколол?

— Да, я, — кивнул я, чувствуя лёгкое напряжение. — Клиническая картина не сходилась. Алкоголь был ширмой. Решил рискнуть.

— И правильно сделал, — Крылов отставил чашку. Его взгляд стал пристальным, профессиональным. — Анализы только что пришли. В крови — коктейль, да ещё какой. Ты его, по сути, с того света вытащил, пока наши с алкогольной интоксикацией возились бы по протоколу, но их нельзя в этом упрекнуть.

В его голосе была лишь констатация факта. Но я знал, к чему он клонит.

— Просто повезло, — пожал я плечами, стараясь выглядеть равнодушным.

— Не прикидывайся, Дима. Я тебя лучше знаю. Там не везение, там расчёт. Но именно это всех и бесит. — Он тяжело вздохнул. — Ты не можешь просто тихо сидеть и ждать? Хотя бы какое-то время?

«Какое-то время». Эта фраза висела между нами уже больше года.

— Я не для этого сюда приехал, чтобы тихо сидеть, — тихо, но отчётливо проговорил я.

— Ты приехал сюда, потому что в Москве для тебя все двери закрылись! — Голос Крылова не повысился, но в нём появилась сталь. Он редко позволял себе такое. — Из-за твоих экспериментальных методов. Из-за твоего упрямства. Ты спас одного, рискуя погубить двоих! Так тебе напишут в любом протоколе.

Жаркая волна гнева прилила к вискам. Картина того дня снова встала перед глазами. Операционная, залитая кровью, кричащие мониторы, и я, принимающий решение, которое шло вразрез со всеми канонами. И да, я спас того парня. Он сейчас жив и здоров. А вот моя репутация...

— Я был прав, — сквозь зубы проговорил я. — И вы это знаете.

— Я знаю! — Он ударил ладонью по столу, и стакан для карандашей звякнул. — Боже мой, Дима, я твой научный руководитель, я-то знаю, на что ты способен! Но ты нарушил этический кодекс, протокол, чёрт возьми, ты пошёл против главного врача! Ты один против системы! И в этой битве всегда побеждает система. Всегда!

Мы помолчали. Гнев во мне пошёл на убыль, сменившись усталой пустотой. Он был прав. И в этом была вся соль.

— Спасибо, — тихо сказал я, глядя в окно. — Что не дали мне сломаться окончательно. Что взяли сюда.

Крылов снова вздохнул, и на этот раз в его взгляде не было гнева, только усталая отеческая забота.

— Я взял тебя не из жалости, Дима. Я взял тебя, потому что гении, даже опальные, рождаются раз в сто лет. А бездарных протоколистов — пачками каждый год. — Он отодвинул мою позорную папку и достал из ящика другую, тонкую. — Вот. Держи.

Я взял файл. «Пациент: Тимофеева Алина, 28 лет. Диагноз: Функциональное двигательное расстройство. Псевдоприпадки».

— И что в ней такого сложного? Психика. Отправьте к психотерапевту.

— Отправляли. Не помогает. Приступы учащаются. Анализы в норме, МРТ — идеально. Но она постепенно перестаёт ходить. Местные светила разводят руками. — Крылов откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди. — Я видел твою дипломную по конверсионным расстройствам. Ты копался в этом как крот. Говорил о каких-то нейро-мышечных блоках, которые можно снять не лекарствами, а... чем?

— Правильным физическим воздействием и перезагрузкой нервной системы, — автоматически ответил я, уже листая страницы. Клиническая картина была действительно сложной и запутанной.

— Вот и перезагрузи. Неофициально. Я буду твоими глазами и руками. Будешь наблюдать, предлагать. Все назначения — от моего имени. — Он помолчал, давая мне осознать вес его предложения. — Это не программист с зажатой шеей, Дима. Это случай, на котором можно... начать реабилитацию. Если всё пойдёт хорошо, люди, — он мотнул головой в сторону моего дела, — решившие твою судьбу, смогут немного передумать.

Я закрыл папку и посмотрел на него. Этот человек верил в меня больше, чем я сам. И в этот момент я понял, что он даёт мне не просто сложное дело. Это спасательный круг для моей души и карьеры.

— Хорошо, — кивнул я, сжимая файл в руке так, что костяшки побелели. — Я сделаю всё, что от меня требуется.

— Я знаю, — просто сказал Роман Сергеевич и снова взялся за свои бумаги. — И, Дима... постарайся не доводить Марину Игнатьевну до инфаркта. По крайней мере, до конца недели.

Уголок моей губы дрогнул в подобии улыбки. Я вышел из кабинета, чувствуя тяжесть папки в руке и странное, забытое чувство — не злости, а цели.

Глава 4 - Толчок к свиданию

— Итак, Юлия...

— Кротова Юлия Владимировна.

— Итак, Юлия Владимировна. Ситуация у нас крайне... неоднозначная. — Мужчина пожилых лет, представившийся Романом Сергеевичем Крыловым, перебирал в руках стаканчик для карандашей и внимательно изучал мои документы, будто в них был зашифрован ответ на главный вопрос. — Да, всё непросто.

«Скажи мне что-нибудь новенькое», — пронеслось у меня в голове. Усталость от этих кабинетов, от одинаковых лиц, от бесконечного «у вас все анализы в норме», давила очень сильно на психику.

— Я знаю, поэтому я здесь. На Москву денег у меня нет, — произнесла я вслух, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Он звучал чужим, плоским от многократного повторения одной и той же истории.

— Хм. Вам два года назад сделали трансплантацию. А сейчас развился упорный болевой синдром. Сколько врачей вы уже обошли? — Его взгляд, умный и тяжелый, поднялся на меня.

— Плюс-минус пять. Я уже столько всего о себе услышала, доктор, что вы меня вряд ли удивите.

— Удивлять — не моя задача, — спокойно парировал он. — Вы знаете, дело сложное. Я хочу положить вас на обследование. Материалы себе скопирую, если вы не против. Соберем консилиум. Обсудим, так сказать, чем вам можно помочь.

В груди что-то екнуло. Слово «консилиум» звучало и обнадеживающе, и пугающе. Значит, я — совсем безнадежный случай? Или, наконец, ко мне отнесутся серьезно?

— Мне везде говорили — квот нет и палат свободных тоже нет. Да и не готова я так сразу... снова ложиться, — призналась я, сжимая ремешок сумки. Больничные стены давно стали для меня символом заточения, из которого постоянно хочется сбежать.

Роман Сергеевич не стал ничего доказывать. Он просто взял телефон и тиро переговорил с кем-то. Потом еще с одним человеком, и еще. Его тихий, уверенный голос был обрывочным: «...сложный случай... трансплантация... да, именно так... свободен?». Я сидела, стараясь дышать ровно, и чувствовала себя экспонатом на странной выставке. С минуты три я сидела смирно и ждала... Даже не знаю, чего. Приговора? Чуда?

Все врачи, кому довелось меня обследовать, в итоге разводили руками и ставили диагноз, которого нет ни в одной моей выписке: «ипохондрик». Но разве ипохондрия вызывает такую боль — острую, колющую, будто тебе в руку воткнули раскаленное лезвие и ты совсем не можешь ей пошевелить? Психологи не помогали, а боли лишь усиливались. Даже боюсь представить, что меня ждет, если и здесь мне не помогут...

Дверь кабинета открылась, и вошел мужчина. Лет тридцать, не больше.

— Алексей, вот, полюбуйся, — Крылов протянул ему мою папку.

Молодой врач взял ее и начал листать. Пока он читал, его лицо становилось то хмурым, то удивленно поднимались брови, то он бросал на меня быстрый, оценивающий взгляд. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Чувствую себя редким, уродливым насекомым, на которое смотрят через увеличительное стекло, — вот что это такое.

— Украсть можно? — неожиданно спросил Алексей у Крылова.

— Не знаю. Что скажете, Юлия Владимировна? Разрешите Алексею Юрьевичу вас похитить? — Роман Сергеевич с едва заметной улыбкой повернулся ко мне.

— Зачем? — мой вопрос прозвучал резче, чем я хотела. Я уже устала быть подопытным кроликом.

— Хочу поставить вам кардиомонитор, понаблюдать, — объяснил Алексей Юрьевич. Его голос был ровным, профессиональным, но в глазах читался неподдельный интерес. — Знаете, не каждый день в наших краях работаешь с человеком, у которого... — он заглянул в карту, — «чужое сердце давит реципиента, словно живое».

Да, да, именно такие безумные слова были написаны психиатром в моей карте. Словно мое собственное сердце стало моим личным тюремщиком.

Внутри все сжалось. Опять эти странные, почти мистические формулировки. Но в его словах не было насмешки, только любопытство исследователя. И это было лучше, чем снисходительное похлопывание по плечу.

— Что ж, давайте. У меня есть время, — выдохнула я, смиряясь с неизбежным.

— Чудно. И у меня, — улыбнулся Алексей Юрьевич. Его улыбка была ослепительной, но какой-то... слишком правильной. Слащавой.

— Роман Сергеевич? Консилиум соберем? — переспросил он.

— Безусловно. Я привык людям доверять. Поэтому верю вам, — Крылов снова посмотрел на меня. — Но и вы должны довериться нам. Сегодня получите кардиомонитор. Оформитесь, документы, надеюсь, с собой. А через недельку, с остальными анализами, придете к нам на стационар. Будем обследовать.

Я лишь кивнула, не в силах найти слова. Довериться... Легко сказать.

Проследовав за Алексеем Юрьевичем по длинному коридору, я позволила себе разглядеть его более тщательно. Белый халат, дорогая рубашка, галстук, идеально отглаженные брюки. Пшеничного цвета волосы, аккуратно уложенные короткой стрижкой. Очень красивый. Безупречный. Но не мой тип. Совсем. Такие мужчины, как он, — с обложки глянцевого журнала, — всегда казались мне ненастоящими. И эта улыбка... Слишком безупречная, чтобы быть искренней. Я намеренно сбавила шаг, стараясь идти немного поодаль, создавая дистанцию. Я стараюсь избегать мужчин. Красивых — особенно. Они, как правило, приносят только боль.

— Пока будем идти, я хочу задать пару вопросов, — его голос вернул меня к реальности.

— Слушаю вас, — ответила я, глядя куда-то мимо его плеча.

— Почему вы так сопротивлялись госпитализации? Боитесь больниц?

Я чуть не рассмеялась. Горько и безнадежно.

— Я не боюсь больниц, доктор. Я просто знаю, что оттуда возвращаешься другим человеком. И далеко не всегда — в лучшую сторону.

Алексей Юрьевич проводил меня до двери процедурного кабинета, легко постучал и, не дожидаясь ответа, приоткрыл ее.

— Дима? Здравствуй, а ты чего тут?

— Очередной способ не отвечать. Зачем пришел? — Со стула поднялся высокий, крепкий мужчина в медицинской форме. Он не был похож на врача. Руки в татуировках, черные волосы забраны в тугий хвост на затылке. Глаза холодные и злые, словно весь мир по умолчанию к нему враждебен.

— Вот, пациентка. Нужно установить кардиомонитор. Справишься? Оформь, пожалуйста. — Не дожидаясь ответа от меня и «Димы», Алексей кивнул мне на прощание, и его улыбка показалась мне торжествующей. Дверь закрылась, и я осталась один на один с тем, кто сидел спиной к входу, разбирая какие-то провода.

Мужчина обернулся, и его серые глаза холодно, без интереса, скользнули по мне. В воздухе повисло напряженное молчание.

— Садитесь, — буркнул он, указывая на кушетку, застеленную одноразовой пленкой. Его голос был низким, хриловатым.

Я неловко устроилась на краешке, чувствуя, как подступает знакомая волна паники. На мне было легкое летнее платье.

— Мне нужно... это... снять? — неуверенно спросила я.

— Да, — он не глядя, готовил датчики, его движения были резкими и точными. — Монитор крепится на грудь. Одежда мешает.

В горле запершило. Я ненавидела эти моменты. Ненавидела быть обнаженной и уязвимой перед чужими равнодушными глазами.

— А... медсестра? Может, девочка какая? — робко выдохнула я.

Он резко повернулся, и его взгляд, наконец, уперся в меня. Взгляд уставшего, циничного волка.

— Все «девочки» в декрете, в отпуске или у телефона. Здесь я. — Он отчетливо выдохнул, демонстрируя, что я отнимаю его драгоценное время. — Для меня вы — пациент. Набор симптомов и показаний. У пациентов и врачей пола не существует. Если вам так некомфортно, бюстгалтер можете не снимать. Просто поднимите его. Но платье — долой.

Его грубость обожгла, как пощечина. Внутри все закипело от возмущения. «Набор симптомов». Как просто. Стереть человека в порошок. Но спорить сил не было. Сжав зубы, я потянулась за молнией на спине. Левая рука отозвалась резкой, пронзительной болью, будто в плечо вставили раскаленный гвоздь. Я ахнула и невольно дернулась, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза от бессилия и боли.

— Что еще? — его голос прозвучал прямо над ухом. Он подошел, не слыша моих шагов.

Господи, как же унижительно...

— Рука... не поднимается. Не могу молнию расстегнуть, — прошептала я, глядя в пол, чувствуя, как горит лицо.

Он ничего не сказал. Только вздохнул с раздражением. Его пальцы, длинные и удивительно ловкие, нашли крошечную металлическую собачку на моей спине. Я замерла, затаив дыхание, стараясь не шелохнуться. Он стоял так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло и слабый запах кожи, мыла и чего-то еще... медицинского, холодного. Шипение молнии прозвучало оглушительно громко в тишине кабинета.

— Вот, — отрывисто бросил он, отступая на шаг.

Дрожащими руками я стянула платье с плеч, удерживая его на груди, и судорожно попыталась приподнять тонкий полупрозрачный бюстгалтер, как он и сказал. Ткань больно впилась в тело. Я сидела, сгорбившись, стараясь прикрыться, чувствуя себя абсолютно голой под его пристальным, оценивающим взглядом.

Он подошел снова с датчиками в руках. Его взгляд скользнул по моей коже, и вдруг задержался. Не на груди, а чуть ниже, на том самом месте, которое я старалась скрывать даже от себя. На длинном, уродливом, багровом шраме, который тянулся от грудины вниз, к ребрам. Шрам от трансплантации. Шрам, разделивший мою жизнь на «до» и «после».

Я замерла, ожидая очередной колкости, вопроса, сочувствия — чего угодно. Но ничего не последовало. Воцарилась тишина, странная и густая. Я рискнула поднять на него глаза.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на шрам. Его лицо не выражало ни безразличности, ни любопытства. Оно... окаменело.

Это длилось всего мгновение. Он резко отвел взгляд, словно обжегшись, и его веки дрогнули.

— Не двигайтесь, — его голос снова стал грубым и безразличным, но теперь в нем слышалась какая-то хрипота. — Приклеиваю датчики. Будет холодно.

Прикосновение липких лепестков к коже заставило меня вздрогнуть. Но сейчас я почти не чувствовала холода. Я все еще видела его взгляд. Взгляд, в котором не было грубости. В котором было молчаливое понимание. И от этого становилось еще страшнее. Потому что равнодушию можно противостоять. А что делать с пониманием, исходящим от того, кто ведет себя как полный негодяй?

 Закончив с унижительной процедурой, мы долго заполняли бумаги, ходили по коридорам — то в регистратуру, то в другой кабинет. Всё молча, ни единого слова. А тишина между нами тем временем давила и раздражала, становясь почти осязаемой. Когда Дмитрий выяснил, что я не прикреплена к их поликлинике и каких-то справок у меня нет, он закатывал глаза так, словно я дитя малое, путающее право и лево. Каждый его вздох и отведенный взгляд говорили яснее слов: «Вот опять проблемы».

Наконец мы пришли к кабинету Алексея. Под табличкой ординаторская гордо висел список врачей. Взгляд зацепился за «Феров Алексей Юрьевич». Дмитрий постучал и, не дожидаясь ответа, резко толкнул дверь.

— Мы закончили. Забирай, — бросил он через плечо и, не попрощавшись, так же поспешно удалился, оставив меня на пороге.

Алексей поднял на меня взгляд и мягко улыбнулся, жестом приглашая войти.

— Что ж, Юлия Владимировна, присаживайтесь. Сейчас мы с вами обменяемся контактами и обсудим рекомендации.

Я опустила в кресло, все еще чувствуя на себе невидимую печать унижения от недавнего осмотра.

— Итак, — Алексей Юрьевич откинулся на спинку стула, сложив пальцы домиком. — Главная рекомендация на эту неделю — вести максимально подробный дневник. Не только когда болит, а постоянно. Фиксируйте всё: вашу активность, питание, уровень стресса и, самое главное, ваши эмоции. Что вы чувствовали в момент приступа? Тревогу? Грусть? А может, всплеск радости?

«Радости? Какая уж тут радость», — горько подумала я.

— Сердце, даже... чужое, — он произнес это слово чуть тише, — очень чутко реагирует на наш эмоциональный фон. Особенно в вашем случае. Постарайтесь избегать сильных переживаний. И положительных, и отрицательных. Вам сейчас нужен покой. Полный душевный покой.

Я молча кивнула, глядя на свои руки. Покой. Легко сказать.

— И еще один важный момент, — Алексей Юрьевич посмотрел на меня чуть внимательнее. — Я понимаю, что это звучит как очередное врачебное заклинание, но... не замыкайтесь. Вы не должны оставаться один на один со своей проблемой. Общение, пусть и минимальное, необходимо. Встречайтесь с друзьями и родственниками, ходите в кино...

Меня будто током ударило. Свидание вслепую. Пятница. Именно сегодня должна состояться дурацкая авантюра, на которую уговорила меня Арина, моя единственная более-менее близкая знакомая. В новом городе она не дала мне окончательно превратиться в затворницу. При нашей последней встрече в салоне она буквально заклинания читала, чтобы я «вышла в свет» и «перезагрузилась».

— Я подумаю, — с трудом выдавила я, чувствуя, как по телу разливается странное, тревожное тепло. Словно сама судьба настойчиво тыкала меня носом в это пятничное свидание.

— Отлично, — Алексей одобрительно кивнул, приняв мое смущение за обычную застенчивость. — Помните, Юлия Владимировна, ваше состояние — это пазл. И мы сложим его вместе. А для начала — просто живите. Иногда лучшим лекарством становится простая смена декораций.

Я вышла из его кабинета с пачкой бумаг и с новым, странным чувством. С одной стороны — груз болезни и рекомендация «душевного покоя». С другой — навязчивое, почти мистическое совпадение, подталкивающее меня к аванюре. К свиданию с незнакомцем.

И самым пугающим было то, что в глубине души я уже знала — я пойду. Потому что иначе тишина и боль окончательно поглотят меня.

Глава 5 - По пути

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт!

Ледяные струи дождя били в стекла с такой силой, что рамы дрожали. Гроза обрушилась на город внезапно, как нервный срыв, хоть прогноз погоды и был благоприятным.

Я стоял под козырьком входа в больницу, грустно посматривая на «Харлей». Ехать на нём сейчас — верный способ превратиться в ледышку и опоздать на свидание к чёртовой бабушке. А потом ещё и благополучно заболеть. “Идеальное” начало вечера.

Мысленно я всё ещё был в процедурной. В том коротком, пойманном памятью моменте.

Она сидела на кушетке, такая хрупкая, что, казалось, рассыпется от громкого звука. Длинные черные волосы, собранные на затылке чёрным бархатным бантом. В реалиях нашего мира она выглядела абсурдно и прекрасно. Цветочное платье, хоть и с рукавом, но все равно слишком лёгкое для прохладных весенних дней. И широкий чёрный ошейник, подчёркивавший бледность кожи и тонкость шеи. Он смотрелся на ней одновременно и вызовом, и защитным панцирем. Фарфоровая кукла с трещиной.

Я тряхнул головой, пытаюсь стряхнуть наваждение. «Соберись, Соколов. У тебя свидание с какой-то незнакомкой, которую подсунула Арина, а ты пялишься в пустоту, как подросток».

Переодевшись в парадные джинсы - максимальные по презентабельности и черную рубашку, я накинул сверху верную косуху и рванул к остановке.

Голова вмиг намокла. Лило как из ведра.

Как по заказу, подъехала маршрутка. Я втокнулся в тёплый, влажный салон, пахнувший мокрой псиной и дешёвым освежителем воздуха.

И тут я услышал это. Сначала краем сознания. Размеренный, противный писк. Тихий, но чёткий, как ритм метронома. Мой мозг, выдрессированный годами в реанимациях, автоматически распознал его: кардиомонитор.

Взгляд сам собой метнулся на задние сиденья. И снова — она. Сидела, прижавшись к стеклу. Она смотрела в окно на хлещущий ливень, а её пальцы нервно перебирали край сумочки.

Адреналин от неожиданной встречи резко сменился профессиональной тревогой. На миг весь обратился в слух? Что за показания? Ритм учащенный? Нервничает? Почему она здесь, а не дома?

Встряхнув головой, пытаюсь выбросить все мысли. Чтобы заглушить навязчивый писк, я судорожно засунул в уши наушники и включил какой-то агрессивный рок, пытаюсь выжечь её образ из головы.

Но не вышло.

Внезапно я понял, что музыка не может заглушить вновь нарастающий шум. Сняв один наушник, я услышал визгливый, пропитанный злобой голос.

— Это что такое?! Это что пищит?! — Пожилая женщина с лицом, сморщенным от вечного недовольства, сидела рядом с Юлей и тыкала в неё костлявым пальцем. — Это бомба! Я знаю! По телевизору показывали! Террористка!

В салоне повисла гнетущая тишина. Водитель в зеркало заднего вида бросил растерянный взгляд. Люди отводили глаза, делая вид, что не слышат. Никто. Ни один человек не хотел заступиться и как-то образумить пожилую женщину.

— Вы слышите, я говорю?! — взвизгнула старуха, обращаясь ко всему салону. — Она нас всех взорвёт! Остановите! Высадите её! Немедленно!

Юлия сжалась. Её лицо было непроницаемым. Но, неожиданно для меня, она молчать не стала. Сердцебиение участилось. И мое тоже.

— Это не бомба. Я не террористка. У меня прибор.

Договорить ей не дали. Ещё громче старуха начала вопить, требовать остановку. Более того, начала хватать девушку за плечо, чтобы выдернуть в проход. Слушать и смотреть на это было выше моих сил!

Хватит.

Я сдёрнул наушники и сделал два шага вглубь салона. Перехватил толстые запястья женщины. Мой голос прозвучал негромко, но с такой ледяной сталью, что старуха моментально заткнулась.

— Успокойтесь, — сказал я, глядя прямо на неё. — Это не бомба. Это медицинский прибор. Кардиомонитор. Вы же не хотите, чтобы у человека прямо здесь, в маршрутке, случился приступ из-за ваших криков?

Бабулька опешила на секунду, но её злость была сильнее.

— А ты кто такой?! Её сообщник?!

— Я врач, — соврал я без тени сомнения. — И советую вам заткнуться, пока вы не довели больного человека до приступа. Настоящего.

Мой тон и «медицинский» статус подействовали. Она что-то буркнула про «хамство» и «ужасную молодёжь», но замолчала, яростно уставившись в окно.

Я перевёл взгляд на Юлию. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых читалась паника и благодарность. Её губы беззвучно прошептали: «Спасибо».

В этот момент маршрутка резко затормозила на следующей остановке. Двери с шипением открылись. И прежде чем я что-либо успел сказать, она сорвалась с места и выпорхнула наружу, прямо в объятия ливня.

Я застыл у окна, глядя, как её силуэт в промокшем насквозь платье растворяется в серой пелене дождя. Она была так уязвима, так незащищена перед этим миром и его тупыми, злыми обитателями. Эта хрупкость пронзила меня острее, чем любой скальпель.

А ещё я понял, что теперь её образ уже не выбросить из головы. Совсем.

Дорогие читатели ♥#♥#♥#

раз вы уже здесь, значит смею предположить, что новая книга вам нравится

Прошу поддержать книгу звездочками. Они вдохновляют и заставляют писать книгу быстрее. Оставляйте комментарии - они также показывают ваш интерес. И, конечно же, не забывайте подписываться.

у меня есть тг канал и группа вк. По псевдониму можно легко найти. Всех жду и всем рада. Там у нас розыгрыши, спойлеры, горячие визуалы

Глава 6 - Нравишься. В этом и проблема

«Оазис». Это какой-то сюр. Ведь обычно так называют укрытие с источником живительной влаги в пустыне. А сейчас получается наоборот. Уютное, светлое кафе с огромными панорамными окнами, за которыми бушевала настоящая стихия. Внутри пахло свежемолотым кофе и влажной землей от многочисленных растений, увитых плющом. Было чисто, просторно и как-то не по-городскому спокойно.

Я занял столик у стеклянной стены, превратившейся в сплошной водопад, и заказал эспрессо. Хотелось произвести на девушку хорошее впечатление. Идеальное место для свидания вслепую, отлично дополняло мою цель. И абсолютно не подходило для моего внутреннего состояния.

Перед глазами всё стояла Юлия. Как её плечи сжались от того ядовитого шипения старухи. Как она застыла. И этот стыд... Чёрт, я ненавижу этот стыд на лицах тех, кого травит толпа.

Я представил, что с ней сейчас: промокшая до нитки, дрожащая от холода и пережитого унижения. Возможно, плачет. Эта мысль вызывала странное, почти физическое беспокойство. «Успокойся, Соколов. Ты её не знаешь. Она просто случайная пациентка, которая попала под горячую руку».

Но это была ложь. И я это знал.

Не, не, не. Жизнь меня научила. Отменно щелкнула по носу. Больно. Больше я не перехожу эту линию.

А что там с девушкой?

Я нервно посмотрел на часы. Прошло уже пятнадцать минут. Моя «авантюра» опаздывала. Или просто не придет? В каком-то извращённом смысле это было бы к лучшему. Сейчас я был бы абсолютно бесполезен в роли приятного молодого человека.

Я снова уставился в залитое дождём окно, мысленно продолжая тот разговор в маршрутке. Надо было сказать что-то ещё. Удержать её. Вызвать такси. Что угодно, лишь бы не дать ей сбежать в этот адский ливень. Ну вот теперь и чувство вины...

Тихий звон колокольчика над дверью прозвучал внезапно, вытаскивая меня из самокопания. Я машинально поднял взгляд, и моё сердце совершило немыслимый кульбит — оно резко ушло в пятки, а потом с силой ударило в грудную клетку, заставив забыть о дыхании.

Какого хрена?!

На пороге, на фоне яркой зелени и света, стояла она.

Юлия.

Вода стекала с её черных волос тонкими струйками по щекам. Цветочное платье полностью промокло, облепив хрупкий стан. На её плечах не было ни плаща, ни куртки.

Она была бледной, дрожала от холода и напоминала подобранного на улице котёнка. самого красивого и самого несчастного котёнка на свете.

Хостес подошла к ней о чем-то спрашивала. Юлия не видела меня. Я очень надеялся, что это шутка, совпадение, что угодно. Хостес шла к моему столику.

Не шутка.

Наши с Юлей взгляды встретились через все пространство зала. В её глазах мелькнуло то же шоковое узнавание, что и у меня.

Вечность она стояла неподвижно, застывшая в нерешительности, оставляя за собой лужу воды на полу, а я не мог оторвать от неё взгляд, парализованный этим невероятным совпадением.

— Это... вы? — её голос был тихим, осипшим от холода.

— Похоже на то, — выдавил я, чувствуя, как глупо это звучит. — Присядите?

Она опустилась в кресло напротив, сторбившись и скрестив руки на груди, пытаясь согреться. На фоне огромного окна с бушующей грозой она выглядела как героиня трагического кино.

Наступила оглушительная тишина, нарушаемая только шумом ливня за стеклом и писком прибора. Все мои подготовленные для незнакомки фразы, всё ложное обаяние разлетелось в прах. Передо мной сидела не абстрактная девушка из замыслов Арины. Передо мной сидела Юля. Пациентка нашей больницы. Это задавало совсем другие правила и сценарий. Никакое свидание сейчас невозможно.

Я видел, как она старается дышать ровнее, как её пальцы судорожно сжимают мокрую ткань платья.

— Вы замерзли? — Намеренно обращался к ней на “вы”, дабы не сокращать дистанцию между нами

Не дожидаясь ответа подозвал официанта. Заказал горячий чай. И попросил полотенце и плед.

Мы просто сидели и молча смотрели друг на друга, два совершенно чужих человека, связанные внезапно обрушившейся на них странной, нелепой и пугающей судьбой.

— Так что? Значит врач? - вопрос прозвучал резковато.

— Не совсем. Это длинная, долгая, малоприятная история. — Не хотелось вываливать все на нее вот так сразу. — Трансплантация сердца? — решил задать вопрос в ответ.

— Это длинная, долгая, малоприятная история. - Она ответила, склонив голову набок. Ерничает ещё.

— Значит мы оба имеем по малоприятной истории, которой не хотим делиться. Что-то общее. Правда вряд-ли нам это поможет.

—Согласна. — И от чего-то её согласие меня полоснуло по душе.

Снова молчание. Неловко. Официант между нам расставил чайные пары с чайником. Ни пледа ни полотенца.

— Вкусный чай. Спасибо.

— Хотите ещё чего-нибудь?

Она отрицательно помотала головой. Ещё с минут пять мы так сидели. Юля смотрела на дождь за окном, а я позволил себе немного исследований. Надо, наверное, заканчивать свидание.

А вот смотрю я на её профиль и вижу — красивая девушка. Маленькая, правда. Но очень и очень красивая. Профиль как у греческой богини, брови выразительные. Влажные густые волосы от сухого воздуха кафе начинали виться.

Хитрая мысль пронеслась в моей голове словно вихрь. Идея вспыхнула, породив цепочку событий, которые я уже решил реализовать.

— Мы ведь не молчать пришли. — Она перебила мои мысли своим вопросом. — Может ты немного расскажешь о себе?

— Пустое Вы сердечным Ты она, обмолвясь, заменила... Тебе правда интересно, или ты из вежливости спрашиваешь? — Блин, грубости как то сами собой вылетают из моего рта.

— Ну да... — Она смутилась., снова отведя взгляд.

— Ты согрелась?

— Да, спасибо. Но мне, наверное пора. Дождь кончился.

Я не хотел её отпускать. Не по каким-то своим личным соображениям. Заболеет ведь.

Кинув купюру на стол за чай, мы вышли из кафе.

Прохладный воздух ударил в лицо — так и заболеть недолго! Однако солнце начинало пригревать. Но воздух не мог нагреться быстро.

— Позволь тебя проводить и на, надень. — Я подал ей косуху.

Удивительно, но девушка не отказалась, не отпрянула. Молча приняла и накинула на плечи. Значит есть какой-то разум кроме гордости.

А на улице действительно стало красиво. Теплело. Мы медленно шли, вероятно к её дому и путь наш проходил по набережной мимо парка аттракционов.

Шли молча, снова. Вроде и комфортно, но что-то не так. Никогда прежде мне так не хотелось залезть в женскую голову, чтобы понять, о чем она думает. Молчаливые женщины - как отдельный котел в аду для провинившихся мужчин.

В парке было много луж, и как ни странно детей. Они прыгали по лужам. Такой редкий и ценный момент, что современный ребенок не сидит в гаджете, а вышел на улицу и резвится. Перевел взгляд на спутницу. В её глазах читались те же мысли.

Ни слова не говоря она сняла кеды и вприпрыжку, босиком пробежала по лужам и дети сразу принимают её за свою, селят. А вот она уже догоняет какую-то девочку с косичками, а потом убегает от неё. Видно, что старается все делать медленно, осторожно.

Наблюдая за этой картиной, ловлю себя на том, что улыбаюсь как дурак. Это выглядело по-настоящему прекрасно. Я даже подумал присоединиться к этой вакханалии, но гром оповестил о возвращении ненастья.

Прогремело снова, и дождь, не такой сильный, как до этого, но весьма ощутимый, вновь накрыл город. Дети и взрослые с визгом разбежались кто куда.

Мы не придумали ничего лучше, чем убежать под раскидистые ветви дуба.

Юля снова мерзнет. Не хватало, чтоб ещё заболела.

— Дай обниму, вся дрожишь. — Какой-то сверхрациональный порыв. Прижимаю к себе спиной. А она и не сопротивляется.

Напряжена в моих объятиях, но дрожь постепенно проходит. Молча стоим и смотрим, как ливень сквозь весеннее солнце омывает город. В небе появляется радуга.

Я не жду, что она в раз проникнется ко мне симпатией, и вдруг вокруг нас появятся розовые замки. Ей нужен лучший, заботливый мужчина, а не черствый озлобленный медик, который вечно всем недоволен.

Словно читая мои мысли, она поворачивается ко мне, хмуро сведя брови смотрит на меня.

— Не нравлюсь?

— Нравишься, в этом и проблема.

Глава 7 - Не давать продолжение

Мы шли молча. Гроза отбушевала, оставив после себя чистый, влажный, наполненный озоном воздух, в котором каждое дерево, каждый листок сиял первозданной чистотой. Влажный асфальт отражал зажжённые в вечерних сумерках фонари, превращая улицу в таинственное зеркало. Я куталась в его куртку, всё ещё хранившую его запах — кожи, дождя и чего-то брутально-мужского, что не поддавалось определению.

И шла я за ним, как загипнотизированная, совершенно забыв, что мой дом — в совершенно другой стороне. Мозг отключился, уступив пространство хаосу чувств: остаточному стыду из маршрутки, электричеству от его прикосновений под дождём и странному, щемящему спокойствию рядом с ним.

Мы вышли к больнице, где так неловко слусилась наша первая встреча.

— Так куда тебе? — он остановился и обернулся, его брови удивлённо поползли вверх. — Я... — я оглянулась, словно впервые видя округу. Чёрт. Действительно, куда? Я всё ещё не могу нормально ориентироваться в новом городе. — Я, наверное, не туда повернула. мой пункт назначения точно не больница. — Да уж, — он усмехнулся, но беззлобно. — Говори адрес, вызову такси.

И тут мой взгляд упал на мотоцикл — «Харлей», гордо и одиноко стоявший на парковке. Я почувствовала, что он принадлежит Диме. Он был точным отражением своего хозяина — жёсткий, блестящий, с явным характером. Мои ноги сами понесли меня к нему. Дима последовал за мной.

Я подошла и коснулась рукой прохладного бензинового бака. Пальцы сами провели по кожаному сиденью, ощущая швы. В груди что-то ёкнуло — знакомое, острое, как игла. Страх и восторг. Пьянящее чувство скорости, свободы, полёта, которое я похоронила вместе со своим первым мужчиной, первой любовью. Ощущение, от которого я бежала вот уже два года.

— Хочешь покататься? — его голос прозвучал прямо над ухом. Он подошёл так близко, что я снова почувствовала его тепло.

«Хочу», — кричало внутри меня всё существо. Один поворот ключа — и можно умчаться, оставив позади все больницы, все диагнозы, всю боль. Испытать снова тот восторг, что почти убил меня.

Но я посмотрела на его руки, лежавшие на руле. Сильные, с длинными пальцами. Эти руки сегодня были то грубыми, то неожиданно нежными. А потом я увидела в памяти другое — асфальт, осколки, искореженный металл и... нет, не надо.

Я отшатнулась, как от огня. — Нет. — Боишься? — в его голосе не было насмешки, только любопытство. — Нет. Просто принцип. Без шлема не поеду, — выдохнула я, отводя взгляд. Сказать «я боюсь» было бы неправдой. Чувство, возникшее во всём моём теле, было гораздо сильнее страха, мощнее. Но признаться в этом — значит обнажить старую рану, позволить ему заглянуть туда, куда я никого не пускаю.

Он не стал спорить, уговаривать, доказывать, что с ним безопасно. Он просто медленно кивнул, его взгляд стал каким-то отстранённым, будто он что-то понял.

— Хороший принцип, — тихо сказал он.

В этих словах не было злости, только принятие. И окончательность. Он понял, что дверь захлопнулась. И даже не попытался её открыть. Я благодарна ему за этот шаг, хоть мне и грустно завершать вечер на такой ноте.

Он достал телефон, вызвал такси. Мы стояли в метре друг от друга. Иррациональное желание близости, прикосновений вызывало чувство вины. Я отгоняла эти мысли прочь. Пусть нахлынут потом, когда я буду одна и смогу немного выпустить пар.

Я сняла его косуху и протянула. Он взял её, наши пальцы едва коснулись. Искра снова пробежала по моему телу, наполняя грудь давно забытым чувством.

— Спасибо за... всё, — прошептала я, глядя себе под ноги.
— Не за что, — его голос снова стал глухим и жёстким, как во время нашей первой встречи в больнице. Он отдалился, снова надев свой главный защитный панцирь.

Подъехало такси. Дверь захлопнулась с глухим звуком, отделяя меня от него и этого необычного вечера. Машина тронулась. Я не обернулась, не посмотрела на него в окно. Не попрощалась. Я сидела с прямой спиной, глотая ком в горле и понимая, что это конец. И мы не допустим, чтобы это повторилось, получило развитие. Нам нельзя давать продолжения этой истории.

Я не знаю его мотивации остановиться, но знаю свою. Мне нельзя любить. Уж тем более мужчин с мотоциклами.

Мы не договорились о новой встрече. Мы даже не обменялись номерами.

Наблюдая в зеркало заднего вида, я смотрела, как тёмная фигура удалялась от меня всё дальше. Машина повернула за угол, и его силуэт исчез. А в груди заныло так, словно моё чужое сердце решило напомнить, что оно ещё живое. И что оно не хочет принадлежать только прошлому.

Глава 8 - Умерла

Гудки в трубке тянулись мучительно долго, сливаясь с мерным тиканьем часов на кухне. Каждая секунда отдавалась в висках напряжённой пульсацией. «Ну, сколько можно?» — нетерпение подступало к горлу кислым комком.

Наконец — щелчок, и приглушённый, лишённый обычной энергии голос:

— Аллё?

Даже сквозь помехи было слышно — с Ариной что-то не так. И хотя первым порывом было спросить, в чём дело, моё собственная потребность перевесила.

— Ты знала? — прозвучало резче, чем я планировал.

— И тебе привет, дорогой паладин, — она попыталась шутить, но вышло плохо. — Не понимаю твоего вопроса. Конкретнее можно?

— Ты про её сердце знала?! — голос сорвался на крик, эхом отразившись от стен пустой квартиры.

В трубке повисла тишина, а потом раздался холодный, отстранённый голос:

— Я всё ещё не понимаю. И перестань на меня орать. Ты мой друг, но это не даёт тебе права так со мной разговаривать.

Я провёл ладонью по лицу, с силой выдохнув. Она была права.

— Да, прости, — пробормотал я, переводя дух. Воздух словно стал гуще. — Начну сначала. Я вернулся с этого грёбаного свидания.

— Оу, — в её интонации промелькнуло понимание, смешанное с усталостью.

— Да, она оказалась...

— Той самой? — в голосе Арины внезапно вспыхнула искра её обычного азарта. — Восхитительная, да? Я её как увидела — сразу поняла. Это твоя спутница.

— Погоди коней гнать! — я сжал телефон так, что острые грани жесткого чехла больно впились в ладонь. — У нас ничего не будет. Никогда.

Молчание в трубке стало плотным, почти осязаемым. Я слышал собственное дыхание и представлял, как она “на том конце провода” так же молча смотрит в окно, ожидая продолжения.

— Перед самым свиданием мы встретились в больнице, — выдавил я, заставляя себя говорить спокойно. — Я ставил ей кардиомонитор, прибор, снимающий показания с сердца.

— Ясно, — всё тут же вылетело из её голоса. Она знала мой анамнез. — Значит, ты не будешь с ней встречаться.

— Увы, нет.

— Можно чисто профессиональный вопрос? — её голос снова стал лёгким, но крайне серьёзным. — Я ведь попала?

— Увы, попала.

— Впервые мне жаль об этом слышать, — она произнесла это тихо и искренне. — Что ж, Дима. Может, всё изменится? В конце концов, каждый человек рано или поздно идёт к врачу. Вполне нормальная ситуация, что человек, который часто болеет, столкнётся в больнице с родным человеком, если тот причастен к системе.

— Да, — согласился я, потому что спорить было бессмысленно.

— Подумай об этом. Сколько шансов у тебя встретить девушку, которая вот так сразу западает в душу?

— Наваждение можно отогнать.

— Может, и можно, — её голос притих, став почти шёпотом. — Но наваждения в нашей жизни слишком редки, чтобы от них отказываться.

Щелчок отбоя прозвучал как приговор. Я отшвырнул телефон на диван, и он мягко утонул в подушках.

В голове закружился рой мыслей, одна другой безумнее, но все они чётко делились на два враждующих лагеря. Здравый и больной.

Здравый лагерь требовал отгородиться от Юли бетонной стеной. Вычеркнуть, забыть, отвлечься. Может, найти другую? Может, это просто тело, истосковавшееся по теплу, обманывает разум, подсовывая милую картинку?

Больной лагерь нашептывал другое. Он рисовал образы заботы, защиты, возможности помочь ей не только как врач. Вспоминались её тонкие пальцы, сжимающие ремешок сумочки, и как они разжимались, когда она смеялась, прыгая по лужам. И этот проклятый профессиональный интерес — что с её сердцем? Почему боль то появляется, то исчезает?

Безнадёжная задача. Мозг отказывался выбирать, разрываясь на части.

Я зашёл в ванную и с силой повернул кран. Ледяные струи должны были остудить пыл. Но даже под холодным душем я видел её: бледную кожу, по которой скатываются капли дождя, тёмные пряди волос, прилипшие к щекам, бездонные глаза, в которых читались и страх, и доверие.

Вибрирующий телефон на полке заставил вздрогнуть. Я с размаху открыл дверцу и схватил аппарат.

— Алло? — прозвучало хрипло.

— Дима, это Роман Сергеевич. Не помешал?

— Нет, — я прислонился лбом к прохладному кафелю, пытаюсь прийти в себя.

— Прекрасно. Знаю, завтра у тебя выходной. Но сегодня к нам поступила пациентка. Сложный случай, боли, сопутствующие симптомы. Будем собирать консилиум, смотреть, что можем предложить, перед госпитализацией. Неофициально. Если сможем помочь, оформим протокол задним числом. Приходи к десяти.

— А при чём тут я? — я выпрямился, чувствуя, как по спине пробежали мурашки. — Меня не звали. Я не врач.

— Не ерпенься, — Крылов говорил спокойно, но с привычной сталью в голосе. — Нам нужен тот, кто будет вести протокол. Ну и, несмотря на то, что тебя никто не любит, все прекрасно знают, что ты компетентен. К твоему мнению прислушаются.

— Угу, — я горько усмехнулся. — Или унизят, в очередной раз ткнув носом в моё дерьмо.

— Это уже как себя поведешь. Так ты будешь? Или старшую медсестру вызывать?

— Буду.

— Славно. Хорошего вечера.

«Будет тут хороший вечер», — мрачно подумал я, скидывая мокрое полотенце и глядя на своё отражение в запотевшем зеркале. Предательское возбуждение, возникшее при мысли о ней, ещё не полностью угасло. Да, девушка очень красивая. Очень. Она мой тип. Она такая... своя? Может, Арина права? Может, стоит просто отдалиться от неё как от пациента и передать дело другим? Это даст нам шанс?

Перекусив вчерашними остатками ужина, я повалился на кровать. Рука сама потянулась к телефону. Бесцельное скролление ленты быстро переросло в целенаправленные поиски. Через Арину, через общих знакомых... И — о, бинго!

Но на странице была не та девушка, которую я жаждал увидеть. С аватарки на меня смотрел чёрно-белый силуэт в парке на фоне заката. Безликий и поэтично-грустный.

Я не был уверен на сто процентов, но внутреннее чутьё подсказывало — это она. Как маньяк-сталкер, я начал изучать каждый пиксель. «Юля». Без фамилии. Статус, не менявшийся два года: *«И что-то оборвалось...»*. О себе: «йога». Фотографии.

Лента была наполнена скупыми цитатами о тишине, утрате, боли. Эстетичными, но безжизненными снимками — лужи, туман, чашка чая. Лишь изредка — информация о йоге.

Я пролистал до самого низа. Первая запись датировалась августом, два с лишним года назад. В тот день на странице появилось чёрное сердечко. И с тех пор — каждый год, в ту же дату. Траур.

Телефон выпал из разжавшихся пальцев. Я так и заснул, сражённый усталостью и противоречиями.

Мне приснился кошмар. Юля на операционном столе. Грудная клетка вскрыта, рёбра торчат, как сломанные крылья. Всё залито кровью. Я подошёл ближе, и её рука, холодная и липкая, вдруг вцепилась в моё запястье. Глаза открылись, полые и чёрные.

— Из-за тебя, — прошипела она беззвучно, и губы её посинели, — я снова умерла.

Глава 9 - Своя крепость

Я закрыла дверь и прислонилась к косяку, судорожно глотая воздух. Нужно было осмыслить произошедшее, но мысли путались, разбегались. Рядом с Димой я думать не могла — мозги превращались в кашу, а сознанием завладевала та Юля, которую я похоронила два года назад. Та, что говорила что думала, делала что хотела и любила — страстно, без оглядки, забывая о себе, отдаваясь без остатка.

Нет, это не любовь с первого взгляда. Но от Диминого голоса, от близости, от случайных прикосновений во мне просыпалось что-то запретное. Все, что я вычеркнула из своей жизни, все, на что наложила строжайший запрет, — теперь пробивалось наружу, пуская корни по венам.

Стоп. Нужна рутина. Она всегда помогала.

Скинув промокшие вещи, я поняла: от них пахнет его курткой. Его запахом. Меня била мелкая дрожь. Я заболела? Или это были нервы?

Горячий душ помог согреться, но моральная подавленность никуда не ушла. Нужно больше дел, иначе мысли съедят заживо.

Я не успела как следует обжиться в съемной квартире. Вещи наполовину оставались в чемодане и рюкзаке. Их было мало. Сбегая от родителей, я не думала, что где-то осяду. Я вообще нигде не задерживалась надолго.

Это уже шестой город. Шестая попытка что-то сделать со своим здоровьем и навешанным ярлыком «терпи и цени второй шанс». Я бесконечно обещала себе, что вот этот город станет последним. Что я перестану копаться в прошлом и начну жить настоящим.

Рутинка помогала, но не до конца. Столовые принадлежности, которые я каждый раз покупала заново в новые квартиры, я тщательно вымыла с антисептическим мылом. Протерла столешницу специальным средством. Приготовила простой диетический салат, промыв овощи в горячей воде с содой.

Каждый раз, когда нервничаю, я возвращаюсь к этому ритуалу — вымыть все, продезинфицировать. Хотя когда-то я сбежала именно от такой стерильности.

Звонок прервал меня. Мама. По видеосвязи.

Я не люблю, когда она звонит — она совершенно не уважает границы. А после пересадки сердца это обострилось еще сильнее. Она взяла на себя миссию создать вокруг меня «стерильный купол». Моя комната стала чище операционной, в еде не было ничего лишнего. Мне запрещали лишний раз выходить из дома, хоть я и была совершеннолетней. Все общение с моим окружением свелось к онлайн-формату. Я не выдержала. Возможно, первое время это и было оправданно, но не навсегда же. Так продолжаться не могло, и я сбежала.

— Здравствуй, мама, — сдержанно поздоровалась я, скрывая раздражение.

С экрана на меня смотрела женщина средних лет со строгой прической, в очках, с темными волосами и вечно недовольным выражением лица. Себя я не показывала, камеру не включала.

— Юлечка, привет. А чего без камеры?

— Неудобно.

— Как дела? Лекарства приняла? Давление померила? — ее голос, знакомый до боли, пронзительный, как игла, выводил из себя каждый раз одним и тем же набором вопросов. — Ты давно не приезжала.

— Пока не планирую, — нужно было сменить тему, пока она не завела свою шарманку. — Как отец?

— Ну как... Скучает по дочери.

С отцом у нас всегда были хорошие отношения. Он суровый, молчаливый, но прекрасный слушатель. Я всегда любила с ним говорить, а он всегда был готов выслушать — без осуждения и нравоучений. Иногда я чувствую вину за то, что оставила его, не попрощавшись как следует.

— Понимаю.

— Юля, может, вернешься? Как ты там одна, без нас?

— Как нормальный взрослый человек в социуме. В любом случае лучше, чем в стерильном заточении, — я ответила резковато, но так она отстанет быстрее.

— Юленька, ты не понимаешь. Тебе подарили второй шанс, ты должна его беречь, а не транжирить понапрасну, — Ну вот... завела.

— То есть я не должна жить, а обязана существовать? Остановись, я не готова снова с тобой ругаться на эту тему.

— Ладно, — мама вздохнула. — Не буду настаивать. Но я всегда жду тебя дома. Пока-пока. Люблю тебя, цветочек мой.

— Пока. И я тебя. Передай привет папе.

Может, я и неправа по отношению к матери. Но за те полгода после аварии, пока я была в глубокой депрессии из-за смерти любимого и собственной беспомощности после трансплантации, она полностью стерла мои границы. Да, тогда, возможно, это было необходимо. Но сейчас я заново их выстраиваю.

Отложила телефон. Руки снова потянулись к тряпке, но я заставила себя остановиться. Хватит. Достаточно.

Села на пол, обняв колени. Тишина в квартире давила на уши. И сквозь эту тишину пробивался мой же голос. «Нравишься. В этом и проблема».

Проблема. Да, это точно проблема.

Я закрыла глаза — и увидела искореженный металл, оборванную и окровавленную куртку Сергея в больнице.

Сердце зашлось частой, неровной дробью, словно пытаюсь вырваться из груди. Сердце Сережи. Оно билось во мне, когда я смотрела на другого. Предательство. Кому? Ему? Его памяти? Или самой себе, давшей зарок — никаких рисков, никаких чувств, никакой боли.

Я провела ладонью по груди, ощущая под пальцами шрам — ровную, жесткую линию. Этот шрам был напоминанием о том, что любовь и смерть идут рука об руку. Что стоит расслабиться, поддаться чувству — и мир рухнет.

А Дима... Он похож на воплощение всего, чего я боюсь. Жизни без гарантий. Свобода, которая может убить. Но он же то, по чему я скучала все эти годы. Не по конкретному человеку, а по тому, что он во мне пробуждал — по жажде жить, а не выживать.

Встала, подошла к зеркалу в прихожей. Во мне бьется сердце человека, которого я любила. Я ношу в себе его последний подарок. Как я могу позволить себе полюбить снова? Как могу подставить под удар это хрупкое, чужое сердце?

Потушила свет и осталась стоять в темноте, прислушиваясь к стуку в груди. Оно билось ровно, настойчиво, словно пыталось что-то сказать. Словно напоминало, что теперь оно все-таки мое. Даже если когда-то принадлежало другому.

Глава 10 - Консилиум

Утро началось с внутренней битвы. Я стоял под горячим душем, пытаюсь смыть с себя остатки сна, в котором смешались страх, смерть, дождь, её смех и призраки прошлого. «Ничего не было, — сурово повторял я сам себе, вжимая ладони в кафельную стену. — Приснилось. Всё это просто приснилось».

Но раньё давалось тяжело. От него тошнило. Я зашвырнул эти чувства как можно глубже, в самый тёмный угол души.

Бросив взгляд на настенные часы на кухне, вспомнил про консилиум у Крылова. Чёрт! Опаздываю. Не было времени даже на кофе. Натянул первую попавшуюся футболку, джинсы, схватил косуху и выбежал из квартиры, чувствуя себя разбитым и невыспавшимся.

На улице — сплошная стена весеннего дождя. Мой «Харлей» грустно стоял под брезентом. «Не сегодня, друг», — мысленно обратился я к нему. Пришлось запрыгнуть в старый седан. Выкрутил печку на полную и рванул в сторону больницы, стараясь не думать ни о чём. Не получалось.

В кабинет Крылова я влетел, как ураган, запыхавшийся, с мокрыми от дождя волосами и мокрой курткой.

За большим полированным столом собрался весь цвет больницы. Я быстро окинул взглядом собравшихся: Крылов - заведующий неврологией во главе, Марина Игнатьевна с лицом, выражавшим крайнее отвращение, будто я в грязных берцах прошел по чистейшему полу операционной. По всей видимости, её все-таки позвали в качестве протоколиста. Также в кабинете был Феров в безупречно отглаженном халате, главный врач Пётр Васильевич, и несколько других специалистов, включая пожилого профессора-трансплантолога Орлова.

— Рядовым медбратам в таком виде тут нечего делать! — прошипела Марина Игнатьевна.

Все промолчали. Никто не поддержал женщину, но и радости от моего прибытия ни у кого не было. Крылов кивнул мне на стулья у стены. Я молча прошёл и сел в углу, стараясь стать как можно менее заметным. По крайней мере попытаться.

Крылов открыл папку.

 — Коллеги, мы собрались по поводу сложного случая. Пациентка Кротова Юлия Владимировна, 24 года. Два года назад — трансплантация сердца. Сейчас — упорный болевой синдром, локализирующийся в левой руке и грудной клетке. Приступы учащаются. Все объективные исследования — в норме. Начинаем мозговой штурм. Итак, откуда могут браться эти боли?

Первым, как всегда, начал Феров. Его голос был ровным и уверенным.

— Отторжение исключили полностью. Биопсия миокарда, ЭКГ, ЭхоКГ, данные холтеровского мониторирования — всё в абсолютной норме. Может всё-таки дело в голове. Коллеги, что скажете?

— Я бы назвала это классическим конверсионным расстройством, — тут же подключилась психиатр Семенова, поправляя очки. Её речь была сухой и быстрой. — Психика, не в силах переработать непереносимые эмоции — а в данном случае мы имеем дело с двойной травмой: собственная клиническая смерть и осознание смерти донора, который, как я понимаю, был ей эмоционально близок — преобразует этот внутренний конфликт в физический симптом. Она не может принять своё новое сердце на глубинном, психологическом уровне. Отсюда — боль. Явная ипохондрическая симптоматика.

— Я бы не был так категоричен, — осторожно, почти извиняясь, вставил молодой психолог. — Скорее, мы наблюдаем сложный, многоуровневый процесс адаптации. Она испытывает колоссальное чувство вины. Вины выжившего. Боль — это форма самонаказания, попытка

искупить эту вину. Это её способ справиться с невыносимой благодарностью и ужасом одновременно. Возможно курс антидепрессантов решит проблему?

— Вы предлагаете лечить антидепрессантами, когда у неё реальная нейропатия? — возразил Крылов. — Мы видим атрофию мышц!

Заведующий хирургией, Громов, хрипло хмыкнул:

— Так а может, всё банальнее? Последствия оперативного вмешательства. Сращения, рубцовые процессы, межрёберная невралгия, компрессия нерва. Нужно делать повторное МРТ с контрастом, смотреть мягкие ткани, нервы.

— Сделано, Игорь Васильевич, — парировал профессор Орлов, не поворачивая головы от окна. Его голос был тихим, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду. — Девушка обошла перед нами пять разных больниц. Всё чисто. Иммуносупрессия, конечно, осложняет любые воспалительные процессы, может маскировать их, но у неё идеальные анализы. Это порочный круг: токсическое повреждение нервов вызывает боль, боль усиливает посттравматическое стрессовое расстройство, тревога многократно усиливает восприятие боли. Два года — критический срок для проявления накопительных эффектов иммуносупрессоров. Но это нужно знать наверняка. Если отменить терапию на время...

Феров возмущенно парировал:

— Предлагаете рисковать сердцем? Любое снижение иммуносупрессии — игра с огнём.

— А текущее состояние — не игра? — вступил я. — Она медленно умирает от боли! Если откажемся от них, хотя бы будем знать, что именно вызывает боль. Не мы отменим, так она сама себе отменит на фоне депрессии.

В кабинете повисло гнетущее молчание. Даже Марина Игнатьевна перестала хмуриться и оторвала взгляд от ноутбука, где усиленно старалась за всеми выписать протокол.

— Это чистейшей воды самоубийство, — наконец покачал головой главный врач, откладывая бумаги. Его бас прозвучал как приговор. — Без адекватной иммуносупрессии её организм отторгнет сердце в течение года, максимум — полутора. Мы не можем этого допустить. Это будет провал всей работы.

— А что мы можем предложить, коллеги, помимо очередного курса антидепрессантов и психотерапии, которая, судя по всему, не приносит ощутимых результатов? — спросил Крылов, обводя всех тяжёлым, изучающим взглядом.

— Усилить режим иммуносупрессии, — немедленно откликнулся Феров. — Подобрать более современную схему. И настоятельно, на самом высоком уровне, рекомендовать продолжить работу с психиатром. Возможно, сменить специалиста.

— Это не решение, это уход от проблемы! — не выдержал я. Слова вырвались сами, прежде чем я успел их обдумать. Все головы повернулись в мою сторону. Марина Игнатьевна смотрела с брезгливостью, Феров — с холодным любопытством.

— У нас тут, кажется, проснулся главный эксперт, — язвительно заметила она.

— А у вас есть что предложить, Соколов? — абсолютно спокойно спросил Крылов. Но в его глазах я прочитал не упрёк, а вызов. Слабый, едва заметный огонёк надежды.

Я встал. Ноги были ватными, но отступить было некуда.

— Вы все смотрите на неё как на набор симптомов! Её тело отравляют лекарства, спасающие жизнь! Её психика разрывается между благодарностью и ужасом!

Все замолчали, глядя на меня.

— Я предлагаю не выбирать между сердцем и нервами, — начал я. — Нужно лечить и то, и другое.

Я встал и подошел к доске.

— Первое: вместо системного снижения дозы такролимуса, мы можем ввести лекарство прямо в спинномозговой канал. Точечно. Так мы подавим воспаление в нервах, не ослабляя защиту сердца.

Феров холодно улыбнулся:
— Спинномозговая пункция? Вы хотите рискнуть пациентом и подвергнуть её менингиту?

— Риск минимален при правильной технике, — парировал я. — Большой риск — оставить ее в этом аду.

Я продолжил писать на доске.

— Второе: неинвазивная стимуляция блуждающего нерва. Это поможет модулировать болевые сигналы и снизить воспаление. И третье: магнитная стимуляция мозга. Мы можем «переучить» те зоны мозга, что отвечают за восприятие боли.

Профессор Орлов медленно кивнул:
— Теоретически... это могло бы сработать. Но это комплексный подход. Очень смело.

Главный врач тяжело вздохнул:
— Слишком рискованно. Слишком много неизвестного.

— Бездействие — большой риск, — сказал я. — Она теряет возможность пользоваться руками. Скруг не сможет работать. Это медленная смерть.

Крылов поднялся:
— Петр Васильевич, я беру на себя ответственность. Давайте попробуем помочь девочке.

Решение было принято. Выйдя из кабинета, я почувствовал не радость, а тяжесть груза. Я поставил на кон все: свою репутацию, доверие Крылова, ее будущее.

Но когда я шел по коридору, в голове звучали только ее слова: «Нравишься, в этом и проблема». Теперь мне точно нельзя с ней быть. Но я должен был попробовать помочь ей.

Глава 11 - Сплошной звон

Писк. Этот дурацкий писк кардиомонитора сводил с ума. Он был повсюду — в такт шагам, в ритме собственного дыхания и сердцебиения, в стуке чайной ложки о кружку. Я закрыла глаза, стараясь не слышать. Ещё немного, один день — и я его сниму. *Свобода.*

Чтобы отвлечься, пошла на йогу. В студии пахло сандалом и спокойствием. Тихое место, именно такое, какое мне было нужно, чтобы сбрасывать напряжение. Глухие оранжевые шторы надежно отсекали серость будней и наполняли зал уютом. Да, здесь мне должно стать хорошо.

Я расстелила коврик и вступила на него, осознанно оставляя весь внешний мир за его пределами. Мысли текли плавно, я старалась их не цеплять, отпускала. Покой. Я чувствовала, как сердце замедляется, и писк становился реже.

Инструктор начал давать связку асан. Всё получалось, пока я не попыталась сделать «собаку мордой вниз» — левая рука дрогнула, и я почувствовала знакомую остроту, вонзающуюся в плечо. Я сползла на пол, сжимая предплечье. Ничего не получается. Ничего.

Инструктор сделал шаг ко мне, но я остановила его жестом. Чем он мне поможет?

Кое-как доделав занятие, я сбежала, переодеваясь как можно скорее. Хочу уйти как можно скорее.

Но планам не суждено было сбыться. В раздевалке зазвонил телефон. Арина.

— Привет! Ну что, как твои впечатления? — сразу начала она, и в голосе играли демоны.
— Как тебе Димка? Я попала?

Я ждала этого вопроса о свидании и очень боялась его. Мне совсем не хотелось думать об этом медбрате. Я прислонилась лбом к прохладной стене.

— Он... — я искала слова. — Он не такой, как все.

— Это я знаю! А ты какая с ним? Растаяла моя снежная королева?

Я вздохнула. Хотела сказать «да». Хотела сказать, что когда он рядом, забываю обо всём. Но вместо этого выдохнула:

— Хотела бы. Но не могу. Мне нельзя, Арин.

— Опять твоё «нельзя»! — фыркнула она. — Да когда уже можно-то будет? Ты будешь вечно траур носить?

— Не знаю, может, и буду, — честно ответила я.

— Подумай лучше не о том, что тебе нельзя, а о том, что можно. Уверена, пункт «любить» там точно должен быть, — не унималась Арина.

— Ладно, — ответила я, закатывая глаза. — Проверю свой список «можно». Извини, но мне пора бежать.

— Не пропадай!

Не успела я сделать и шага, как телефон завибрировал снова. На экране — фото родителей Сергея. У меня сжалось всё внутри. Я глубоко вздохнула и ответила.

— Юлечка, родная! — послышался голос его мамы, сладкий и тоскливый. — Мы по тебе соскучились. Почему не заходишь? Тебе ведь не трудно до нас доехать?

Меня затошнило. Эти разговоры, эти вечные напоминания... Я постоянно чувствовала себя должной, а они всё напоминали о моём долге. Но в последнее время это доходило до абсурда — будто я должна уже не Сергею, а лично им. Но что я могу им дать? В рабыни записаться за сердце? Так я не просила это сердце! (Усилена эмоция и конфликт)

— Здравствуйте, Лидия Александровна. Я... я сейчас очень занята, — проговорила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Щеки алеют, пульс учащается от того, что приходится врать.
— Новую работу осваиваю.

— Ну какая Лидия Александровна, мы же договаривались — просто мама. Ну, конечно, как знаешь, — в голосе послышалась обида. — Мы, если что, всегда ждём тебя в гости. Сереженька бы хотел, чтобы ты нас навещала.

Я попрощалась и бросила телефон в сумку, словно он был раскалённым углём. Они — как живой памятник моей вине. Как вечное напоминание. И как строить жизнь, когда тебя постоянно тычут носом в прошлое?

Оставшаяся лёгкость после йоги словно испарилась окончательно.

 И тут — очередной звонок. Незнакомый номер. Я чуть не проигнорировала, но решила всё же ответить.

— Юлия Кротова? Здравствуйте. Это Роман Сергеевич Крылов из больницы.

У меня ёкнуло сердце. Зачем он звонит?

— Я хочу пригласить вас на обследование, — продолжил он ровным, спокойным голосом. — Мы провели консилиум по вашему случаю. У нас есть план лечения. Но необходимо лично встретиться, чтобы подробно всё обсудить и предупредить о возможных рисках. Ведущие специалисты больницы будут наблюдать вас, но потребуется полежать в стационаре.

Риски. От этого слова стало холодно. Но в его голосе не было ни жалости, ни пустых обещаний. Была деловитость и уважение. Он говорил со мной как со взрослым человеком, а не как с хрупкой пациенткой.

— Хорошо, — выдохнула я. — Я приеду.

— Отлично. Напишите Алексею Юрьевичу, что придёте завтра сдавать прибор. Завтра в десять утра я буду вас ждать.

Я вышла на улицу. Дождь уже кончился, и сквозь разорванные тучи проглядывало солнце. После пяти больниц, где мне либо разводили руками, либо списывали всё на психологию, я разучилась верить в медицину. Но в этот раз... в этот раз было иначе. Твёрдая рука, предлагающая конкретный план, внушала иррациональную уверенность. И почему-то я почувствовала, что готова сделать этот шаг.

 Я взяла телефон.

— Да? — Голос был слегка сонный.

— Алексей Юрьевич, это Кротова Юлия. Извините за беспокойство. Мне звонил Крылов Роман Сергеевич. Сказал, что был консилиум и меня кладут в больницу.

— Да, всё верно, я там был, — подтвердил он, зевая.

— Могу я снять прибор завтра? Это было бы удобнее, — я мысленно скрестила пальцы. Совсем не хотелось два дня подряд ездить в больницу... Лишний шанс встретить там “его”.

— Дополнительные сутки наблюдений лишними не будут. А вам точно он не мешает?

— Нет, всё в порядке.

— Отлично. Тогда до завтра.

Он повесил трубку. А у меня с плеч будто гора свалилась. Ощущение, будто смену отпахала на заводе. И уже непонятно — то ли это усталость от звонков, то ли результат моей жизни и бесплодных страданий по непонятно кому и чему.

Может, права Арина? Может, нужно перестать носить траур и начать жить? Если Дима не будет моим врачом, а всего лишь иногда будет навещать меня как медбрат... Может, тогда ничто не помешает нам отдаться чувствам?

Глава 12 - Пути назад нет

Сумка собрана. Пожитков немного — все свои немногочисленные вещи я умудрилась уложить за пять минут. Зубная щетка, смена белья, пижама, спортивный костюм. Брать больше казалось предательством — будто я смирилась с очередным заточением, обживалась в нем. Чувства были противоречивыми, будто я собиралась в бой, на который не было никакого желания идти.

Каждая брошенная в рюкзак вещь отдавалась в виске напряженной пульсацией. Надежда и страх вели свою войну, а по краю сознания скользил образ — высокий, в косухе, с собранными в хвост черными волосами.

Больница встретила меня знакомым запахом — антисептик, слабый дух болезни и безнадёги. Я стояла у двери кабинета Алексея Юрьевича, сжимая в руке кардиомонитор. Взгляд сам собой метнулся вглубь коридора — пусто. Никого. Облегчение, горькое и предательское, смешалось с досадой. Значит, все-таки надеялась увидеть Диму?

Прошло минут десять. Наконец шелкнул замок, и дверь распахнулась. На пороге возникла девушка со светло-русой косой, длинной, как у сказочной красавицы. Высокая, почти на полголовы выше меня. Она бросила на меня беглый, оценивающий взгляд — с ног до головы, — и ее красивое лицо исказилось гримасой легкого пренебрежения. Не сказав ни слова, она гордо проследовала мимо, оставив за собой шлейф терпких, удушающих духов.

Я вошла в кабинет. Феров сидел за столом, безупречный и спокойный, будто ничего не произошло. Ни тени смущения или неловкости.

— Юлия Владимировна, здравствуйте. — Он бегло просмотрел данные с прибора на компьютере. — Мониторинг в норме. Сердечный ритм стабильный, за исключением... — он многозначительно поднял на меня взгляд, — нескольких эпизодов тахикардии. Сильных эмоций стоит избегать, мы это с вами уже обсуждали.

Отчитывает, как провинившуюся девочку. Я промолчала, чувствуя, как краснею. Он что, мог видеть, в какие именно моменты сердце выскакивало из груди?

— Алексей Юрьевич, Роман Сергеевич звонил, говорил о консилиуме... что меня будет вести группа врачей?

— Совершенно верно. — Его улыбка была ослепительной и безжизненной. — Ваш случай признан сложным и интересным. Лично курировать вас будет Роман Сергеевич. Каждый врач, отвечающий за свою специализацию, внесет свой вклад в ваше лечение. — Он потянулся через стол и сжал мою руку. — Волноваться не о чем, все специалисты высшей квалификации. И конечно же, вы всегда можете обратиться ко мне, если... возникнут какие-либо затруднения.

«Случай признан интересным». Словно я редкий экспонат в музее медицинских курьезов. А от этого панибратского нарушения личных границ стало не по себе, и я резко отдернула руку.

— Я провожу вас в процедурный кабинет, — сказал он, протягивая направление, его лицо на мгновение стало каменным. — Марина Игнатьевна поможет снять аппарат и проводит к Роману Сергеевичу. В наших лабиринтах без провожатого легко заблудиться.

Марина Игнатьевна, казалось, родилась с недовольным лицом. Она ждала меня в процедурной, сложив руки на груди. Приняла прибор с видом человека, принимающего украденные драгоценности.

— Наконец-то. А то у нас тут все под отчет, — буркнула она, занося данные в журнал. Ее взгляд, острый и недобрый, снова скользнул по мне. — И вообще, барышня, в больницу надо одеваться поприличнее. Не для того тут мужчины работают, чтобы на всякое смотреть.

Я сжала кулаки, чувствуя, как жар стыда и гнева заливает лицо. Мое простое темное платье внезапно показалось мне вызывающим. «Какая неприятная женщина», — пронеслось в голове, но сказать я ничего не успела.

— Пойдемте, милочка, не задерживайте. У Романа Сергеевича мало времени.

Мы шли по бесконечным, похожим друг на друга коридорам. Я мысленно поблагодарила Ферова, что он попросил проводить меня — ненавижу плутать по этим лабиринтам. Наконец она остановилась у знакомой двери, постучала и, не дожидаясь ответа, распахнула ее.

— Юлия Владимировна Кротова, к вам, Роман Сергеевич.

Я переступила порог, и мир сузился до точки.

Кабинет был залит утренним светом. За массивным столом сидел Роман Сергеевич Крылов. Но я не видела его. Потому что у окна, спиной к свету, стоял он.

Дмитрий.

Он обернулся, когда мы вошли. Его темные, почти черные глаза, холодные и бездонные, встретились с моими. В них не было ни удивления, ни приветствия. Лишь тяжелое, почти осязаемое напряжение. Воздух в кабинете стал густым и спертым, дышать было невозможно.

Марина Игнатьевна с красноречивым фырканьем удалилась, захлопнув дверь.

Я замерла на месте, сжимая ремешок сумки так, что он больно впился в ладонь. Все тщательно выстроенные барьеры, все обещания самой себе держаться от Димы подальше — рухнули в одно мгновение. Он был здесь.

— Юлия Владимировна, проходите, садитесь, — раздался спокойный голос Крылова, будто из другого измерения.

Я сделала несколько неуверенных шагов и опустилась на стул, стараясь не смотреть в сторону окна. Но периферийным зрением я видела его во весь рост — небрежно прислонившегося к подоконнику, скрестившего руки на груди. Он смотрел в пол, но я чувствовала его внимание, тяжелое, как физическое прикосновение.

— Итак, начнем, — Крылов сложил руки на столе. — План лечения, который мы разработали, комплексный. Он включает несколько этапов. Первый — детальное обследование нервной проводимости и...

Я почти не слышала его слов. В висках стучало: «Что он здесь делает? Почему он здесь?» Сердце, предательское, начало отбивать частую, неровную дробь. Я была уверена, что Дима это слышит.

— ...и, конечно, ключевым моментом будет введение препарата непосредственно в спинномозговой канал, чтобы минимизировать воздействие на иммунную систему, — продолжал между тем Роман Сергеевич. — Это снизит токсическую нагрузку на периферические нервы, но, должен предупредить, процедура сама по себе рискованная и малоприятная.

Впервые с момента моего прихода Дима пошевелился. Он негромко, но отчетливо произнес, обращаясь к Крылову, но глядя прямо на меня:

— Риски оправданы только при безупречной технике исполнения. И полном понимании пациентом всех последствий.

Его голос был низким, без единой ноты тепла, но в этих словах я услышала не предупреждение, а вызов. Или даже упрек. Будто он спрашивал: «Ты действительно на это готова? Ты доверишься мне?»

— Понимаю, — выдохнула я, намеренно обращаясь только к Крылову, хотя все мое существо было повернуто к тому, кто стоял у окна. — Я готова.

— Прекрасно, — Крылов кивнул. — Тогда оформляем документы. Дмитрий Валерьевич будет ассистировать и вести вашу историю болезни. Он обладает уникальным опытом в подобных случаях.

Вот оно. Приговор. Наши судьбы намертво сплелись в стенах этой больницы. Он будет рядом. Он станет человеком, от чьих действий будет зависеть мое будущее. Страх сдавил горло, но под ним шевельнулось что-то другое — острое, запретное, живое.

Я рискнула поднять на него взгляд. Он уже смотрел на меня. И в глубине его глаз, за ширмой отстраненности, я увидела то же самое — азарт, огонь и понимание того, что пути назад нет. Для обоих.

Глава 13 - По кексику

Если бы кто-то сказал мне месяц назад, что я буду ценить рутину, я бы, наверное, хмыкнул ему в лицо. Но сейчас утренний обход в неврологическом отделении стал для меня чем-то вроде медитации. Никаких экстренных вызовов, никаких кричащих родственников в приённом покое, никаких ворчаний старшей медсестры, полных яда и сарказма. Только тихий гул аппаратуры, запах антисептика и две мои личные головоломки — Тимофеева и Кротова.

Войдя в ординаторскую, я направился напрямик к кофемашине — краеугольному камню местной цивилизации.

— Дима Соколов! — раздался за моей спиной голос, от которого у меня рефлекторно свело скулы.

Я медленно обернулся. Агния стояла в дверях, подбоченясь, и смотрела на меня с наигранной обидой, в которой явно читался укор: «Как ты мог?». Длинная растрепанная коса небрежно спала на плечо. А я что?

— Агния, — кивнул я, делая глоток горячего кофе. — Привет. Пропусти.

— Ты что, моего сообщения не видел? — не унималась она, не сходя с места. — Я тебе писала. Вчера вечером.

«Видел» — промелькнуло у меня в голове. Сообщение было длинным, с кучей смайликов и намёком на то, что она испекла кексы и не с кем их разделить. Я его проигнорировал, как и предыдущие пять. Мне неприятно такое количество внимания к моей персоне.

— Занят был, — буркнул я, пытаясь пройти к столу с журналами.

— Всегда ты занят! — она сделала шаг, блокируя мне путь. Её нижняя губа дрогнула. — Я тебя с прошлой среды не видела! Ты вообще в этом отделении работаешь или просто изредка появляешься, как призрак?

Мысль о том, чтобы быть призраком, внезапно показалась мне очень привлекательной. Пролетать сквозь стены, не слышать вопросов...

— Агния, у меня работа. Конкретная работа. С пациентами. — Я попытался обойти её, но она, словно шахматная фигура, снова встала передо мной. Этот танец начинал напоминать абсурдный ритуал.

— А я что? Я тоже работаю! И я могу помочь! Я же тебе и с анализами, и с направлениями, и с документацией помогаю! — в её голосе зазвенели нотки торжества.

Вот это был промах. Один раз я попросил её отнести в лабораторию пробирки, и это, видимо, стало в её сознании актом вечной духовной связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.